

Коньрева И. В.
I. V. Konyreva

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ПЛАЧА В КУЛЬТУРЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

TRANSFORMATIONS OF LAMENTATION AS A FOLK GENRE IN THE CULTURE OF THE ERA OF STALINISM

Коньрева Ирина Вадимовна – доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 8(4217)27-93-21. E-mail: konyrevaiv@mail.ru.

Ms. Irina V. Konyreva – Assistant Professor, Department of Cultural Studies at the Komsomolsk-on-Amur State Technical university (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina St., 8-4217-27-93-21. E-mail: konyrevaiv@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации фольклорного жанра плача в культуре сталинской эпохи. Исследуется влияние идеологии на трансформацию плачей. Выявляется искусственный, «олитературенный» характер текстов, приведший к утрате народной аутентичности причитаний.

Summary. The paper deals with the problem of how the folk genre of lamentations was transformed in the culture of the Stalin period. The influence of ideologies on the contents of weeping is considered. The markedly artificial, "literary" nature of such texts is revealed, that led to the loss of the folk authenticity of the laments.

Ключевые слова: плач, новины, старины, сталинская культура.

Key words: lamentation, *byliny* folk epic, *noviny* quasi-folk epic, faked folklore, Stalin-era culture.

УДК 008

В 30-е гг. XX в. в СССР стал активно возрождаться фольклор. Социалистическая культура должна была отражать жизнь пролетарских масс, а фольклор по своей природе репрезентировал эту массовость. Интерес к фольклору мы можем объяснить интегрирующей эффективностью самой фольклорной традиции, обуславливающей национальную идентичность. Кроме того, фольклор соответствовал такому важнейшему догмату социалистического реализма, как народность.

На Первом съезде советских писателей М. Горький инициировал возрождение фольклора и призвал фольклористов обратить особое внимание на скрытый глубокий смысл текстов, детерминированных «стремлением древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность. Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть его возбудителя, а этот возбудитель – всегда стремление людей облегчить свой труд» [3]. В связи с обозначенной политической стратегией стали широко публиковаться антологии традиционного фольклора и тексты, не издававшиеся до революции, наполненные сатирой на священнослужителей, дворян и т.п. Советским писателям также была дана установка включать в свои произведения элементы фольклора.

Перед собирателями-фольклористами была поставлена задача отыскать народные произведения о счастливой советской действительности и о героях нового времени. Однако,

как показали фольклорные экспедиции, в крестьянской среде такие произведения отсутствовали. И тогда фольклористы были вынуждены помочь носителям фольклорной традиции создать произведения подобного типа. Началась широкая кампания по пропаганде и воспитанию «фольклоротворческих» масс. В печати стали появляться образцы «нового» фольклора – «новины», отличающиеся от дореволюционных «старин» своей политической ангажированностью.

Рассмотрим специфику плачей, созданных в сталинскую эпоху, по поводу смерти вождей и героев. Похоронные плачи (причитания, вопли, причеты, крик, голошение) – наиболее древний жанр русской обрядовой и бытовой народной поэзии, в которой оплакивается смерть или горе близкого человека, давший жизнь другим видам причети – свадебной, рекрутской, бытовой. У большинства народов плач исполнялся преимущественно женщинами; существовали и профессиональные причетницы – «плакуши», «вопленицы», «вытницы», «плакальщицы», «причитальницы», «плачеи» [2]. В народе такие умелицы пользовались заслуженным уважением.

В России вплоть до XIX в. причитания бытовали и в крестьянской среде, и в среде городской бедноты. Это объясняется тем, что патриархальные традиции были сильны у крестьян, языческий пласт верований составлял значительную часть их мировоззрения. Любая уважающая себя крестьянка умела причитать. Мужчины, как правило, этого не умели делать. Все разнообразные формы плачей исполнялись женщинами, прежде всего родственниками: «Голосом воют родные, не чужие ж! Вот помрёт у тебя кто-нибудь свой – мать или отец, или ребенок – кто это может, этот и выть голосом. Так яму легче, так он выскажет усю боль свою» [1]. Но не каждая женщина обладала особой эмоциональной психической структурой, поэтическим даром и памятью, а также способностью импровизировать: «Изливают свою душу. У кого какое горе, то й причитывает. По-новому каждый раз» [1]. Мы должны подчеркнуть, что обряд оплакивания является женским обрядом. Вопленицей являлась женщина, а не мужчина. Женский характер культа сформировался в архаических обрядах умирающих и воскресающих богов. Поэтому запевалой и зачинателем хора являлась женщина, а не мужчина. Плачут слезами родственники, а голоса носители и хранители ритуальных действий, всегда «чужие». Поэтому оплакивать покойного приглашали известных плакальщиц. Вопленицы, используя клишированные формулы, не создавали копии одного и того же словесного текста, и поэтому они были композиционно свободны и импровизированы. Как утверждает М. А. Евонгатова: «В сознании исполнительниц причитаний жили правила создания текста того или иного типа (например, плач по мужу, плач по дочери и т.д.), представления о том, как его надо произнести, чтобы требования обряда были выполнены» [1].

Первыми «новинами-плачами» стали опубликованные в 1935 г. в «Правде» песня А. В. Морозовой «Про лестницу-чудесницу», прославляющая И. В. Сталина и московское метро, и в 1936 г. – песня Е. П. Кривошеевой «Плач по Кирову». Плач Е. П. Кривошеевой был первым плачем, опубликованным в советское время. Текст новина строился на противопоставлении бедственного положения крестьян в дореволюционной России и счастливой жизни в СССР. Эта антитеза стала доминировать практически во всех советских плачах. К 40-м гг. уже были созданы плачи по В. И. Ленину (спустя 15 лет после смерти вождя), С. М. Кирову, А. М. Горькому, Н. К. Крупской, по летчикам: В. П. Чкалову, С. А. Леваневскому, А. К. Серову, П. Д. Осипенко.

Уникален тот факт, что ученые-собиратели предлагали для ознакомления носителям фольклора антологии традиционного устного народного творчества. К ним в избы проводили радио, выписывали специализированные журналы, их снабжали необходимой информацией

о покойном. Происходило своеобразное научение (идеологическое в том числе) носителей традиционного фольклора. Такого рода «новины» (плачи, сказки, былины) составляли особый пласт произведений, порожденных творческим союзом профессиональных фольклористов с народными вопленицами и сказителями. Песенников, сказочников и плакальщиц стали приравнять к начинающим литераторам, профессиональные плакальщицы даже включались в члены Союза писателей. Таким образом, в 30-е гг. XX в. под руководством профессиональных собирателей носители фольклорной традиции создали произведения, воспевавшие советскую действительность. Эти тексты публично восхвалялись учеными, их печатали в прессе, передавали по радио.

В процессе создания советских «новин» плакальщицы использовали традиционные приемы «старин»: ритуальный клишированный текст-вопросание, специфичность пространственно-временных протяжений внутри текста плача, обязательное участие ведущей плакальщицы и участников ритуала. Они часто реконструировали в своих причитаниях лирические повествования о жизни умершего, составляя целые повести о доблестях почившего. Собиратель фольклорных текстов К. В. Чистов отмечал, что известная русская причетница И. Федосова перед импровизацией расспрашивала о многих жизненных обстоятельствах и происшествиях в жизни умершего и даже о тех, которые ей явно не могли понадобиться для текста. В то же время в плачах могли возникать новые мотивы и детали. Например, в народной культуре символом вести о смерти была птица, чаще всего кукушка. А в советских «новинах» вестником смерти стали выступать нередко радио или газета. В текстах плачей стали отражаться и актуальные события, например, коллективизация, проведение электричества в деревню, гражданская война в Испании и др.

Структура традиционных причитаний строилась на монологическом вопрошании, остававшемся без ответа, воспоминании о заслугах и достоинствах умершего, заботе о его устройстве в ином мире, жалобах осиротевших и оставшихся без кормильца родственников. В советских же плачах появлялись ответы на вопросы плакальщиц, которые давал И. В. Сталин. В отличие от традиционных текстов, в которых женщины жаловались на горе, в «новинах» вопленицы от имени вдов радовались, что живут в СССР, и скорбели о том, что умерший не дождал до такого счастья и не может порадоваться вместе с ними.

Согласно исследованию Ф. Миллера, плачи стали выражать не столько горе, сколько радость: «Сочинители их не скорбят по умершим, а жалеют о том, что он не дождал до нового времени и не может увидеть, как хорошо живет народ при Сталине» [3]. Вследствие этих трансформаций, по нашему мнению, в роли плакальщиков стали выступать и мужчины, а их плачи превращаться в политические лозунги, отражающие восторг и гордость за достигнутые успехи:

Мы идем со Сталиным, как с Лениным.
Что у Ленина намечено,
То у Сталина исполнено [3].

Таким образом, мы можем констатировать, что оплакивание перестало быть сугубо женским обрядом, а плакальщица утратила функцию медиатора между «этим» и «тем» светом. Происходило стирание границ между аутентичным фольклором и его стилизацией.

Ф. Миллер также особо подчеркнул соотношение образов умершего и его «заместителя». Согласно его концепции, содержание плачей, по сути, стало пропагандистским, своеобразным панегириком В. И. Ленину, И. В. Сталину и коммунистической партии, прославлением счастливой и обеспеченной жизни [3]. Например, в плаче о В. И. Ленине, автором которо-

го является Л. Андриянова из Карелии, прославление И. В. Сталину строится следующим образом:

Нунь мои молодые детушки,
Пойдемте к дорогому нашему батюшке,
Сталину Иосифу Виссарионовичу.
Вы подайте-ко ему привет от сердечушки,
А поклон от буйной головушки,
Что вас он да обеспечил, –
И вы обутые и одетые,
И жизнь ваша одобрена, и сердце успокоено [5].

Более того, многие советские плакальщицы были грамотными, в их сочинениях преобладала газетная лексика, порой трудно сочетаемая с разговорным стилем традиционных плачей. Следовательно, плачи становились авторским, индивидуальным творчеством певца, а не выражением традиционной обрядности. У. Юстус утверждает, что «следуя установке М. Горького, фольклористы устраняли почти все диалектные и местные языковые признаки из плачей и уравнивали их в правах с языковой системой, равным образом предписанной для всех видов литературы» [7].

Общеизвестно, что социальный институт плакальщиц и искусство причета наибольшее распространение и сохранность получили в северных областях России. Нетронутость северных областей татаро-монгольским игом способствовала сохранению социокультурного института профессиональных воплениц. В южных и центральных областях Древней Руси, подверженных разрушительному монгольскому нашествию, горе вошло в каждую семью, оплакивать гибель родных и близких пришлось каждому выжившему. Поэтому в большей степени традиционные плачи были аккумулированы в северных районах СССР (Карелия, Печорский край, Заонежье и др.). В годы Великой Отечественной войны старинные народные формулы плачей в этих местностях получили своеобразное возрождение. Уникальной русской причетницей И. Федосовой было собрано более 30 000 причитаний. Подобные образцы причитаний оставили и другие талантливые вопленицы: Н. Богданова, И. Голубкова, К. Пашкова, П. Крюкова, Н. Симеусова, А. Чуева, А. Нечаева, А. Калганова и др.

В то же время при создании причета во время Великой Отечественной войны нередко использовались и литературные тексты. Согласно этнографическим исследованиям, житель Заонежья М. Г. Акиндин, придя с войны и увидев разрушенным свой дом, «завопил», используя стихотворение А. В. Кольцова «Раздумье селянина», сохраняя при этом поэтические особенности народных причитаний:

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Я на свое да на хоромное строеньице,
Как пустым стоит пустешенько строеньице.
Уж я сяду тут с тобой думу думати,
Как мне жить теперь да горе мыкати,
Как нет у меня да друга верного,
Да и нет теперь казны бессчетной. [4]

Однако фольклорные экспедиции 60-х гг. XX в. уже практически не смогли засвидетельствовать традиционные формулы плачей, что свидетельствует о недолговечности этой уникальной традиции вследствие трансформации социальных и политических процессов.

Подводя итог рассмотрению проблемы трансформации жанра плача в культуре сталинской эпохи, необходимо отметить следующее. Плачи сталинской эпохи основываются, по мнению У. Юстус, на «исторической памяти, которая была создана значительно позже, когда началась канонизация официального дискурса советской историографии, в котором весь исторический дискурс сосредоточивается на Сталине и его роли в советской истории» [7]. В плачах 30-х гг. фигура умершего нередко заслонялась его «заместителем»: очень часто И. В. Сталиным, под мудрым руководством которого в стране наступала обеспеченная и счастливая жизнь. Вследствие этого горестная тональность плачей трансформировалась в радостную. Процесс создания текста идеологически «воспитанным» автором превращал причет, по сути, в исторический документ, лишая его аутентичности. Плачи становились продуктом официальной идеологии и пропаганды. Фольклорное произведение подвергалось правке, «олитературированию». Как утверждают составители сборника «Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.», собиратели «инспирировали создание произведений советской тематики, наставляли сказителей в их творчестве, напрямую редактировали записанные тексты» [6]. Так, например, при позднейших перепечатках плачей о В. И. Ленине целенаправленно исключались упоминания о Л. Д. Троцком. Влияние политического дискурса обуславливало трансформацию личного, интимного горя в официальное.

Таким образом, мы можем констатировать, что пропагандистский дискурс сталинской эпохи довольно успешно вторгнулся в пространство традиционной культуры, подчиняя определенные ее формы своим интересам, превращая их в инструмент политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Енговатова, М. А. Смоленские похоронные плачи: ритуал и музыка / М. А. Енговатова // Живая старина, 2000. – № 1. – С. 2-12.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 846 с.
3. Миллер, Ф. Сталинский фольклор / Ф. Миллер; пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. – СПб.: Академический проект, ДНК, 2006. – 190 с.
4. Обрядовая поэзия Пинежья // Русский традиционный фольклор в современных записях: материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области 1970–1972 гг. / под ред. Н. И. Савушкиной. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 476 с.
5. Рукописи, которых не было: подделки в области славянского фольклора / изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002. – 968 с.
6. Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: сб. док. / Министерство культуры РФ, РАН, Государственный республиканский центр русского фольклора, ГА РФ; сост.: Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова (отв. сост.), И. А. Зюзина [и др.]. – М., 1994. – 584 с.
7. Юстус, У. Вторая смерть Ленина: функции плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина / У. Юстус // Социалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – 1040 с.